

Остается востребованной

Творческий путь Ткачевых начался в период задорного обострения интереса к вопросам формы (Форма! Форма!! Форма!!!) и усиления неприятия повествовательности, едко объявлявшейся тогда многими искусствоведами и художниками литературщиной, иллюстративностью. Вульгарной сюжетикой, одним словом. Иллюстративность отвергалась столь запальчиво, что как-то при этом забывалось, что многие шедевры мирового искусства есть не что иное, как иллюстрации. К Библии. К летописям. Мифам. Историческим событиям. Назовем для примера Нику Самофракийскую, «Возвращение блудного сына» Рембрандта, Суриковское «Утро стрелецкой казни». Да, иллюстрации. И никому из жгучих ревнителей формы-формы-формы не по плечу зачеркнуть их художественную драгоценность.

«Ветрянка» антисюжетности обошла молодых Ткачевых стороной и содержательность в искусстве не претила им в произведении, созданном с использованием литературного источника, как и в вещах, полностью рожденных разумом, чувством, зрением, всем опытом жизни их авторов, таких как «Сдача Бреды» Веласкеса, «Расстрел» Гойи, «Похороны в Орнате» Курбе или громадный по личному переживанию, по вложению боли сердца «Анкор» нашего Павла Андреевича Федотова.

Неизвестным осталось имя человека, первым сказавшего: «Мое! Это мое!» Но известно, что вся дальнейшая история человечества есть противостояние имущих и неимущих, меньшей части, алчных эгоистов — и большинства рабочего люда, люда обобранного, обездоленного и униженного, доводимого — в идеале для имущего — до степени раба. Обездоленного раба от века опутывали хитрыми юридическими доказательствами правоты несправедливого распределения между людьми жизненных благ, подслащивая горькую пилюлю рабей доли елейными призывами к терпению. Все религии мира от века твердят обобранной пастве одно: «Терпи. Потерпи до загробной жизни. А уж там...»

Раб терпит. Но греет душу мечтой о приходе, явлении кого-то мудрого и могучего, кто переделает жизнь на справедливый лад. Вот явится и спасет. На тему вековой мечты Александр Иванов написал программное полотно «Явление Христа народу».

Избавитель не спешит явиться людям. И потерявший терпение раб хватается дубину и в слепой ярости бросается кру-

шить все вокруг. Разыгрывается очередная трагедия Большого Возмездия. Разливаются озера Большой Крови. Так было в Византии в дни восстания «Ника», в пору Спартака, Пугачева, Сапаты, большевиков... Возмездие!

Художник, наделенный совестью, не может проходить мимо социальных потрясений. Домье построил по диагонали свое стремительное «Восстание»; по трупам шагает со знаменем гнева обездоленных «Свобода» Делакруа; три замечательных монументалиста увековечили в грандиозных циклах фресок пламя мексиканской революции начала прошлого века. Не прошли мимо темы социального взрыва два наших Серова. Первый, Валентин, в 1905 году увидел из окна Академии художеств темную массу потерявших терпение рабов, сдавленную четвертой и пятой линиями Васильевского острова и несущихся на нее с обнаженными шашками казаков, верных слуг царя-батюшки: насмешили высунуться из безропотного покорства? Так получите — шашкой по голове, в лицо

плетью и кованым конским копытом в живот! Царь-батюшка в те поры молвил: «Так было — так будет». Пастель Валентина Серова «Солдатушки, бравы ребята». Где же ваша слава? — лишь один из многих откликов нашего искусства на кровь революции 1905 года. Другой Серов, Владимир, запечатлел другой социальный взрыв, октября 1917 года, и другую его стадию, победный финал: «Зимний взят», «Вся власть Советам».

Да, было такое. Ограбленный, всегда обманываемый раб вырвал власть из рук имущих.

Но что ему теперь с нею делать?

Уникальность Октябрьской революции в том, что она, отменив принцип «Мое!» заменила его принципом «Наше!», «Общее!» И впервые поставила перед победившим неимущим задачу, не ожидая прихода СПАСИТЕЛЯ со стороны, САМИМ организовывать социальное устройство жизни.

А как делать это дотле недолгое, неведомое дело? Одним из важнейших требований Октябрьской эпохи стали слова «Учиться, учиться и

учиться!» Научиться. Узнать. Познать — самим — внутренне пружины устройства общества, его движения во времени.

Кто из художников не хочет создать ведь неповторимую, ни на чью другую не похожую? Кто из больших художников не стремится сказать слово от имени общества, от имени времени? Сколь немногим это удается. На уникальный лозунг Большой Учебы Октябрьской эпохи изобразительное искусство как-то должно было откликнуться. Таким откликом стала картина братьев Ткачевых «Между боями».

О профессиональной стороне работ Ткачевых писали достаточно много. Напомним здесь слова Николая Рериха: «В период обновления общество обращается к реализму». Да, картина о народе и для народа художников-выходцев из глубин народа могла быть написана только в русле реалистического метода. Нет надобности долго рассуждать о профессиональных достоинствах картины «Между боями». Очевидно, что не владеющие в высокой степени такими составными реалистического искусства, как компо-

зиция, рисунок, живопись, картины просто не было бы, она бы просто не состоялась.

Масштабна, значительна сама идея картины: раб поднялся с колен и взял в руки книгу. Художники поняли самую первозадачу октябрьского переворота, уловили самую атмосферу тех дней. Таких картин не было до Ткачевых, не появилось и после того, как она была написана. Горные вершины тусовками не кучкуются, природа создает вокруг них полосу отчуждения. На тему необходимости знаний новому обществу, потребности в них Юон еще в 1929 году написал своих вузовцев во дворе московского университета (спасибо ему за это огромное, он был из первых). Но в сравнении с внутренней весомостью картины Ткачевых вещь Юона лишь репортажно описательна. Иллюстративна. Тогда же написанный «Рабфак идет» Иогансона — отличная вещь. Но в ней речь идет тоже уже о следующем поколении овладевающих знаниями, о тех, для кого прокопченные пороховым дымом непосредственные исполнители повстанческой работы расчистили дорогу к учебным аудиториям. «Сами» и «Немедленно» — только у Ткачевых.

Удача Ткачевых в том, что неразрывность двух задач социального потрясения — взятия власти и овладения Большими Знаниями они смогли почувствовать, увидеть и воплотить в конкретной материи своих героев. Молодой боец в буденновке, по складам читающий благоговейно поднятую, как икону, книгу — уникален, незабываем, неповторим, как уникальна вынесшая руку в странство рембрандтовская Дана или склонившая голову к сыну, заснувшему у нее на плече, «Мать» Дейнеки.

Человек оказался не готов к длительной защите Большой Социальной Справедливости. Не хватило духовной культуры, даваемой глубокими знаниями. Вновь торжествует корысть, демагогия и насилие имущего над неимущим. Принцип «Мое!» снова победно хохочет над постулатами коммунизма, или, если угодно, заветами Христа.

Но мечта ограбленного, униженного и оскорбленного неимущего о светлой доле не исчезла, не может исчезнуть. Как ее зримое воплощение востребованной остается картина «Между боями».

Путь братьев Ткачевых к ней был нелегким, длительным, упорным. В архиве картины множество эскизов, этюдов, рисунков, вариантов. Можно сказать, братья Ткачевы родились, росли, учились, учились и учились для того, чтобы создать это произведение — одно из значительнейших в нашем искусстве XX века.

А. ЗЫКОВ.

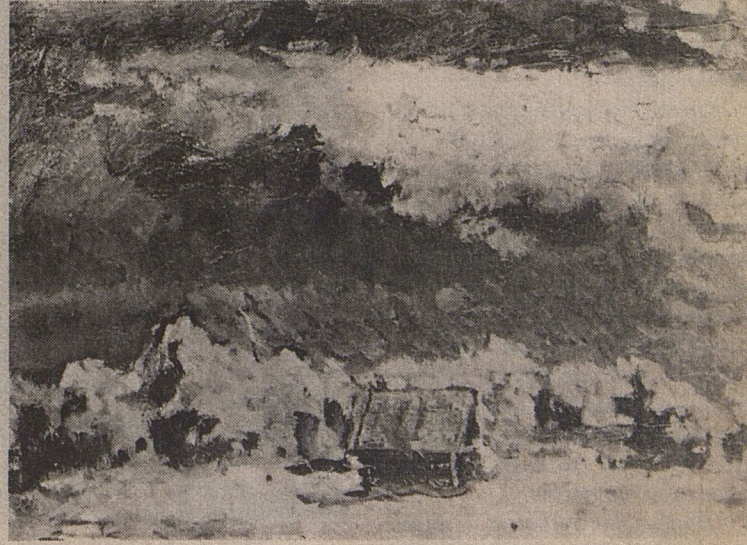
С. Ткачев. Читающий. Этюд к картине «Между боями». 1959

А. Ткачев. Пастушок. Этюд. 1954

А. Ткачев, С. Ткачев. Хлеб Республики. Фрагмент. 1970

А. Ткачев. Гроза. 1982

Остается востребованной

Творческий путь Ткачевых начался в период задорного обострения интереса к вопросам формы (Форма! Форма!! Форма!!!) и усиления неприятия повествовательности, едко объявлявшейся тогда многими искусствоведами и художниками литературщиной, иллюстративностью. Вульгарной сюжетикой, одним словом. Иллюстративность отвергалась столь запальчиво, что как-то при этом забывалось, что многие шедевры мирового искусства есть не что иное, как иллюстрации. К Библии. К летописям. Мифам. Историческим событиям. Назовем для примера Нику Самофракийскую, «Возвращение блудного сына» Рембрандта, Суриковское «Утро стрелецкой казни». Да, иллюстрации. И никому из жгучих ревнителей формы-формы-формы не по плечу зачеркнуть их художественную драгоценность.

«Ветрянка» антисюжетности обошла молодых Ткачевых стороной и содержательность в искусстве не претила им в произведении, созданном с использованием литературного источника, как и в вещах, полностью рожденных разумом, чувством, зрением, всем опытом жизни их авторов, таких как «Сдача Бреды» Веласкеса, «Расстрел» Гойи, «Похороны в Орнате» Курбе или громадный по личному переживанию, по вложению боли сердца «Анкор» нашего Павла Андреевича Федотова.

Неизвестным осталось имя человека, первым сказавшего: «Мое! Это мое!» Но известно, что вся дальнейшая история человечества есть противостояние имущих и неимущих, меньшей части, алчных эгоистов — и большинства рабочего люда, люда обобранного, обездоленного и униженного, доводимо — в идеале для имущего — до степени раба. Обездоленного раба от века опутывали хитроумными юридическими доказательствами правоты несправедливого распределения между людьми жизненных благ, подслащая горькую пилюлю рабей доли елейными призывами к терпению. Все религии мира от века твердят обобранной пастве одно: «Терпи. Потерпи до загробной жизни. А уж там...»

Раб терпит. Но греет душу мечтой о приходе, явлении кого-то мудрого и могучего, кто переделает жизнь на справедливый лад. Вот явится и спасет. На тему вековой мечты Александр Иванов написал программное полотно «Явление Христа народу».

Избавитель не спешит явиться людям. И потерявший терпение раб хватается дубину и в слепой ярости бросается кру-

шить все вокруг. Разыгрывается очередная трагедия Большого Возмездия. Разливаются озера Большой Крови. Так было в Византии в дни восстания «Ника», в пору Спартака, Пугачева, Сапаты, большевиков... Возмездие!

Художник, наделенный совестью, не может проходить мимо социальных потрясений. Домье построил по диагонали свое стремительное «Восстание»; по трупам шагает со знаменем гнева обездоленных «Свобода» Делакруа; три замечательных монументалиста увековечили в грандиозных циклах фресок пламя мексиканской революции начала прошлого века. Не прошли мимо темы социального взрыва два наших Серова. Первый, Валентин, в 1905 году увидел из окна Академии художеств темную массу потерявших терпение рабов, сдавленную четвертой и пятой линиями Васильевского острова и несущихся на нее с обнаженными шашками казаков, верных слуг царя-батюшки: насмелились высунуться из безропотного покорства?! Так получите — шашкой по голове, в лицо

плетью и кованым конским копытом в живот! Царь-батюшка в те поры молвил: «Так было — так будет». Пастель Валентина Серова «Солдатушки, бравы ребятушки. Где же ваша слава?» лишь один из многих откликов нашего искусства на кровь революции 1905 года. Другой Серов, Владимир, запечатлел другой социальный взрыв, октября 1917 года, и другую его стадию, победный финал: «Зимний взят», «Вся власть Советам».

Да, было такое. Ограбленный, всегда обманываемый раб вырвал власть из рук имущих.

Но что ему теперь с нею делать?

Уникальность Октябрьской революции в том, что она, отменив принцип «Мое!» заменила его принципом «Наше!», «Общее!» И впервые поставила перед победившим неимущим задачу, не ожидая прихода СПАСИТЕЛЯ со стороны, САМИМ организовывать социальное устройство жизни.

А как делать это дотоле недоступное, неведомое дело? Одним из важнейших требований Октябрьской эпохи стали слова «Учиться, учиться и

учиться!» Научиться. Узнать. Познать — самим — внутренние пружины устройства общества, его движения во времени.

Кто из художников не хочет создать ведь неповторимую, ни на чью другую не похожую? Кто из больших художников не стремится сказать слово от имени общества, от имени времени? Сколь немногим это удается. На уникальный лозунг Большой Учебы Октябрьской эпохи изобразительное искусство как-то должно было откликнуться. Таким откликом стала картина братьев Ткачевых «Между боями».

О профессиональной стороне работ Ткачевых писали достаточно много. Напомним здесь слова Николая Рериха: «В период обновления общество обращается к реализму». Да, картина о народе и для народа художников-выходцев из глубин народа могла быть написана только в русле реалистического метода. Нет надобности долго рассуждать о профессиональных достоинствах картины «Между боями». Очевидно, что не владеющие в высокой степени такими составными реалистического искусства, как компо-

зиция, рисунок, живопись, картины просто не было бы, она бы просто не состоялась.

Масштабна, значительна сама идея картины: раб поднялся с колен и взял в руки книгу. Художники поняли саму первозадачу октябрьского переворота, уловили саму атмосферу тех дней. Таких картин не было до Ткачевых, не появилось и после того, как она была написана. Горные вершины тусовками не кучкуются, природа создает вокруг них полосу отчуждения. На тему необходимости знаний новому обществу, потребности в них Юон еще в 1929 году написал своих вузовцев во дворе московского университета (спасибо ему за это огромное, он был из первых). Но в сравнении с внутренней весомостью картины Ткачевых вещь Юона лишь репортажно описательна. Иллюстративна. Тогда же написанный «Рабфак идет» Иогансона — отличная вещь. Но в ней речь идет тоже уже о следующем поколении овладевающих знаниями, о тех, для кого прокопченные пороховым дымом непосредственные исполнители повстанческой работы расчистили дорогу к учебным аудиториям. «Сами» и «Немедленно» — только у Ткачевых.

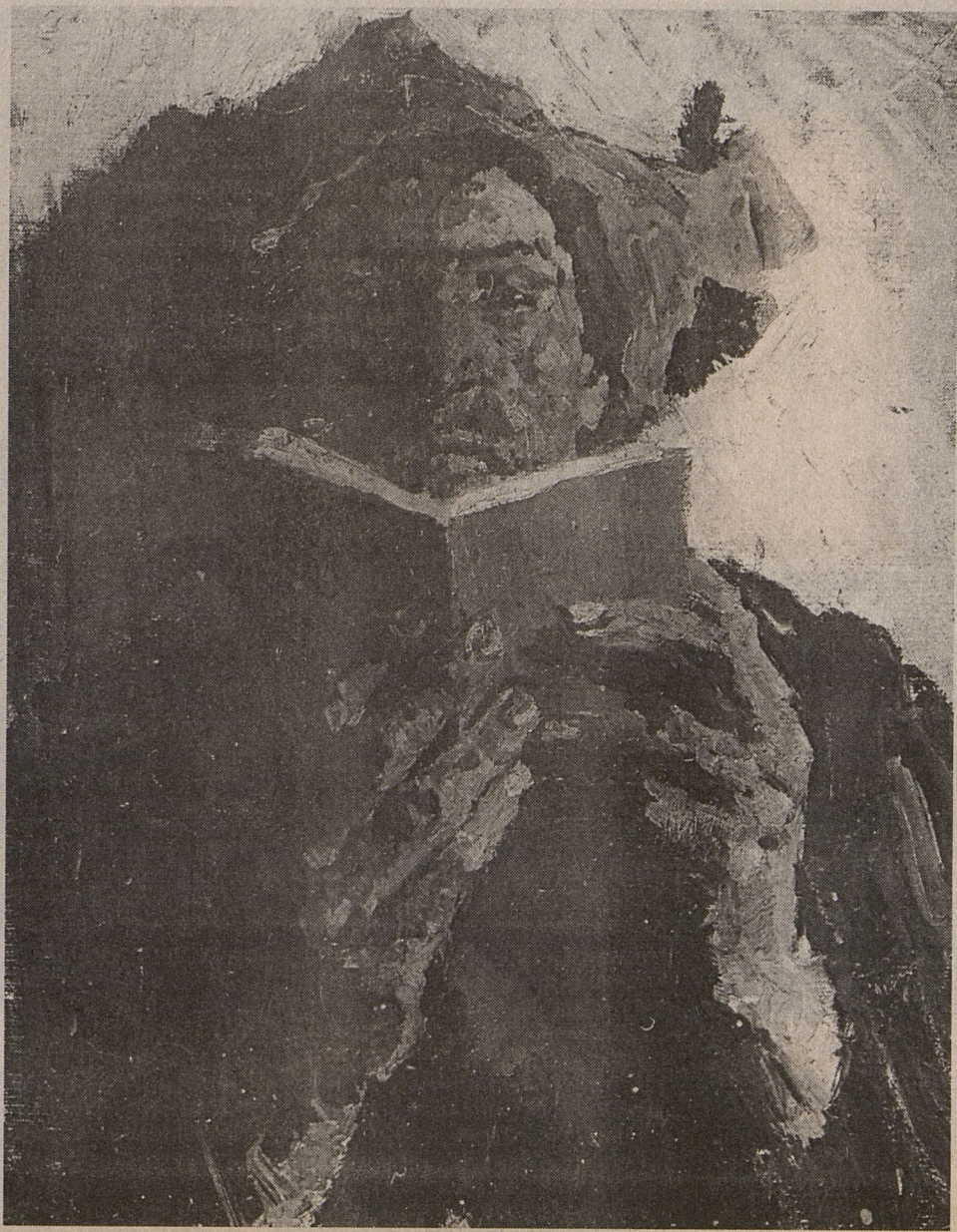
Удача Ткачевых в том, что неразрывность двух задач социального потрясения — взятия власти и овладения Большими Знаниями они смогли почувствовать, увидеть и воплотить в конкретной материи своих героев. Молодой боец в буденовке, по складам читающий благоговейно поднятую, как икону, книгу — уникален, незабываем, неповторим, как уникальна вынесшая руку в пространство рембрандтовская Дана или склонившая голову к сыну, заснувшему у нее на плече, «Мать» Дейнеки.

Человек оказался не готов к длительной защите Большой Социальной Справедливости. Не хватило духовной культуры, даваемой глубокими знаниями. Вновь торжествует корысть, демагогия и насилие имущего над неимущим. Принцип «Мое!» снова победно хохочет над постулатами коммунизма, или, если угодно, заветами Христа.

Но мечта ограбленного, униженного и оскорбленного неимущего о светлой доле не исчезла, не может исчезнуть. Как ее зримое воплощение востребованной остается картина «Между боями».

Путь братьев Ткачевых к ней был нелегким, длительным, упорным. В архиве картины множество эскизов, этюдов, рисунков, вариантов. Можно сказать, братья Ткачевы родились, росли, учились, учились и учились для того, чтобы создать это произведение — одно из значительнейших в нашем искусстве XX века.

А. ЗЫКОВ.

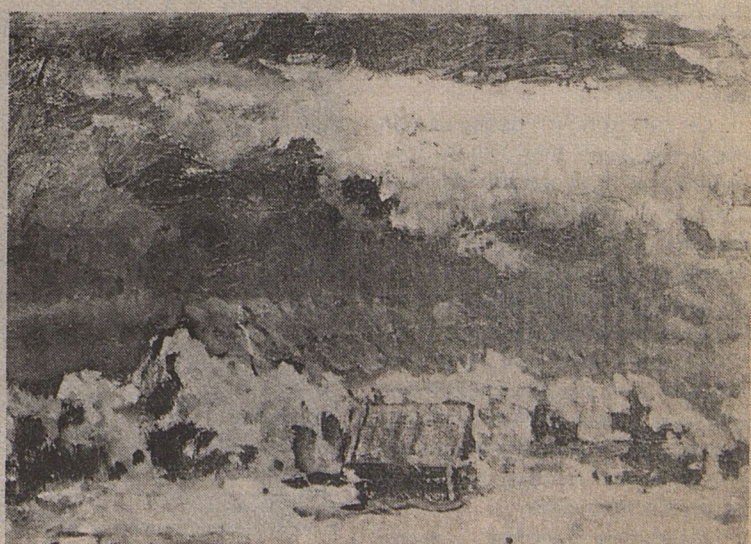
С. Ткачев. Читающий. Этюд к картине «Между боями». 1959

А. Ткачев. Пастушок. Этюд. 1954

А. Ткачев, С. Ткачев. Хлеб Республики. Фрагмент. 1970

А. Ткачев. Гроза. 1982